

© 2020

Ирина Квашнина

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (Москва)
(e-mail: irina.kvashnina@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В статье рассматриваются изменения в регулировании иностранных инвестиций, которые происходили в последние годы в мире и в России. Отмечается тенденция усиления протекционизма в отношении ПИИ. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, обуславливает введение дополнительных мер ограничительного характера. Степень открытости, измеряемая международным индексом, в России ниже, чем в среднем по ОЭСР, а также в Индии и КНР. Автор приходит к выводу, что сложившаяся в России система государственного регулирования капиталовложений нуждается в корректировке.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, протекционизм, глобальные цепочки стоимости.

DOI: 10.31857/S020736760012167-2

Мировой экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, крайне негативно сказался и на мировых потоках прямых иностранных инвестиций. Эпидемия коронавируса и последовавшая за ней глубокая рецессия может спровоцировать очередной виток геополитического соперничества и протекционизма, усиления контроля государств за потоками инвестиций. В этой связи представляется актуальным рассмотрение институциональных изменений, связанных с регулированием ПИИ, которые имели место в мире и в нашей стране в последние годы.

Изменения в глобальных потоках прямых инвестиций и их регулировании. Считается, что прямые инвестиции как форма трансграничного перемещения капитала в наименьшей степени подвержены циклическим колебаниям и достаточно устойчивы к кризисам. Между тем на протяжении последних лет на фоне относительно устойчивого роста мировой экономики наблюдались значительные колебания глобальных прямых инвестиций. В этой связи напрашивается предположение, что сложившаяся модель трансграничного перемещения прямых инвестиций переживает определенные изменения. Этот процесс, на наш взгляд, обусловлен рядом факторов.

Одна группа факторов связана с происходящей в мире экономикотехнологической трансформацией, новой промышленной революцией, цифровой революцией, как ее не назови. В частности наблюдается торможение оборотов в рамках глобальных цепочек стоимости, эксперты предсказывают сокращение длины таких цепочек, их децентрализацию и в существенной степени дематериализацию. То есть физические цепочки поставок и производства будут

все больше замещаться потоками данных, обменом оцифрованными товарами и услугами, технологиями, интернетом вещей и ценностей [1. С. 15]. Повсеместное распространение цифровых платформ дает возможность компаниям продавать товары и услуги без осуществления крупных зарубежных капиталовложений. При такой модели зарубежные филиалы наращивают объемы продаж в разы быстрее, чем активы и численность персонала.

Другая группа факторов связана с институциональными изменениями, которые мы наблюдаем в последнее десятилетие. Несмотря на заявленный странами Большой двадцатки курс на снижение протекционизма в торговой политике, в реальности после 2008 г. число протекционистских практик превысило количество либерализационных мер [2. С. 12]. Усиление протекционизма коснулось и иностранных инвестиций. Первая волна увеличения ограничительных мер пришлась на период 2010–2013 гг., вторая началась с осени 2017 г., когда в течение полугода в отношении инвестиций были приняты новые ограничительные или регулирующие меры. Эти меры, как правило, имели отношение к вопросам национальной безопасности или же касались прав собственности на землю и природные ресурсы. К примеру, по соображениям национальной безопасности были отменены некоторые сделки по слиянию и поглощению в сфере предоставления финансовых, телекоммуникационных, цифровых и других услуг. Характерно, что в 2017 г. впервые число расторгнутых международных инвестиционных соглашений (МИС), превысило число заключенных, а количество последних опустилось до уровня 80-х годов. В 2019 г. тенденция ужесточения контроля за инвестициями, прежде всего со стороны развитых стран, продолжилась. По соображениям национальной безопасности по меньшей мере 11 крупных слияний и поглощений было отменено или же приостановлено [3, р. xi].

Особенно наглядно протекционистский тренд в отношении торговли и инвестиций проявляется в современной политике США, они же являются лидером по числу аннулированных сделок, а отказы, как правило, получали компании из КНР. Торговая война, которую президент Д. Трамп начал в отношении Китая, порождает у инвесторов чувство неопределенности и побуждает их к переносу производства продукции. Сильное воздействие на бизнес оказала и налоговая реформа, вступившая в силу в США с 2018 г. Помимо снижения налога на прибыль корпораций с 35 до 21%, она предусматривает льготное налогообложение зарубежной прибыли при условии ее репатриации в США. По оценкам ЮНКТАД, совокупный объем зарубежной нераспределенной прибыли американских МНК превышает 3 трлн долл. [5, р. 17]. Возврат даже части этих средств на родину серьезно сказывается на потоках капитала и оказывает зеркальное воздействие на страны-реципиенты. Этот процесс был запущен в 2018 г., вызвав отток капитала, от которого больше всего пострадали европейские страны (табл.1).

Таблица 1

Приток ПИИ по группам стран и регионам

	2017	2018	2019	2020
				прогноз
Годовой рост (млрд долл.)				
Мир в целом	1 700	1 495	1 540	920–1 080
Развитые экономики	950	761	800	480–600
Европа	570	364	429	240–300
Германия	60	74	36	н.д.
Соед. Королевство	101	65	59	н.д.
Франция	25	38	34	н.д.
Италия	24	33	27	н.д.
Сев. Америка	304	297	297	190–240
США	274	254	246	н.д.
Развивающиеся экономики	701	699	685	380–480
Африка	42	51	45	25–35
Азия	502	499	474	260–330
КНР	110	104	68	н.д.
Латинская Америка	156	149	164	70–100
Переходные экономики	50	35	55	30–40
Российская Федерация	26	13	32	н.д.
Годовой прирост (%)				
Мир в целом	–14	–12	3	(–40) – (–30)
Развитые экономики	–25	–20	5	(–40) – (–25)
Европа	–16	–36	18	(–45) – (–30)
Сев. Америка	–40	–2	0	(–35) – (–20)
Развивающиеся экономики	7	0	–2	(–45) – (–30)
Африка	–10	22	–10	(–40) – (–25)
Азия	7	–1	–5	(–45) – (–30)
Латинская Америка	14	–5	10	(–55) – (–40)
Переходные экономики	–25	–31	59	(–45) – (–30)

Источник: UNCTAD, FDI/MNE database (www.unctad.org/fdistatistics).

В свою очередь, в начале 2019 г. Совет Европейского Союза утвердил новый регламент для проверки прямых иностранных инвестиций из третьих стран, поступающих в ЕС (2019/452/EU). Его положения будут применяться с 11 октября 2020 года и нацелены на защиту европейских стратегических

интересов. Новые правила обязывают государства-члены сотрудничать друг с другом и с Европейской комиссией, а именно предоставлять информацию об иностранном инвесторе и его бенефициаре, учитывать мнение других государств-членов и Европейской комиссии о потенциальном воздействии ПИИ на безопасность. Проверять инвестиции сможет и сама Еврокомиссия, если сумма сделки значительна или направлена в стратегические отрасли: энергетику, транспорт, связь, оборону и др. Отслеживаться будут в первую очередь инвестиции государственных и квазигосударственных компаний и инвестиционных фондов. Хотя большая часть ПИИ в Европу поступает из США, в последние годы резко активизировались на этом рынке азиатские (прежде всего китайские) инвесторы, что вызывает озабоченность у европейских государств. За один только год (2015–2016) инвестиции из КНР в страны ЕС увеличились в 6 раз [6].

Свою лепту в сокращение трансграничных потоков инвестиций внес и выход Соединенного Королевства из ЕС. По итогам 2016 г. (года проведения референдума) поступающие в Великобританию ПИИ составили рекордные 286 млрд долл. и были обеспечены четырьмя крупными сделками, которые готовились еще до объявления о «брексите». Изъятие капитала из Великобритании стало происходить в последующие годы (табл. 1), и в большей степени по линии финансового сектора, что отражается на динамике портфельных и прочих инвестиций.

В условиях обострившейся политической и торговой напряженности ЮНКТАД спрогнозировал фактическую стагнацию валовых потоков прямых инвестиций в 2020–2021 годы (соответственно –3% падения и 1% прироста). Однако пандемия COVID-19 и вызванный ею экономический спад привели к обвалу мировых ПИИ. Диапазон их вероятного сокращения оценивается в 30–40% в текущем году и 30–50% – в 2021 г. [3, р. 7]. Происходящий кризис оказывает не только мгновенное отрицательное воздействие на инвестиции, его негативные последствия для капиталовложений вероятнее всего растянутся на продолжительный период времени.

Неожиданные и практически одновременные карантинные меры привели к физическому закрытию бизнесов в промышленности и в строительстве, что самым непосредственным образом отразилось на осуществлении уже запущенных инвестиционных проектов. При сохранении некоторых фиксированных текущих инвестиционных расходов большая часть других капитальных затрат была приостановлена. Речь идет, в том числе, и о реализации новых проектов (greenfield projects) и о сделках по слиянию и поглощению (M&As), объем которых за первый квартал 2020 г. сократился на 50% по сравнению с предыдущим годом.

Так называемые краткосрочные (2020–2021 гг.) последствия пандемии для ПИИ лежат в плоскости реинвестирования доходов. В среднем половина прибыли зарубежных структур МНК остается в принимающей стране в виде

реинвестированных доходов. Ожидаемое снижение прибыли крупнейших мировых МНК в среднем на 35% очевидным образом окажет сильнейшее отрицательное воздействие на общие потоки прямых инвестиций [3, р. 4]. В регуляторном плане параллельно с временными внешнеторговыми ограничениями, введенными отдельными странами для предотвращения дефицита жизненно необходимых товаров, были предприняты меры по недопущению кризисных продаж национальных компаний.

Среднесрочные последствия (2020–2022 гг.) для мировых инвестиций связаны прежде всего с глобальным падением спроса, ожиданием экономической рецессии и неопределенными перспективами восстановления роста мировой экономики. Что касается долгосрочного воздействия пандемии коронавируса с горизонтом до 2030 г., то оно сопряжено с изменением модели функционирования ГЦС. В новых условиях МНК вынуждены выстраивать более упругие и прочные цепи поставок с безопасным доступом к критически важным продуктам и услугам. Такая политика приводит к усилению национализации и регионализации производства жизненно необходимых товаров, ускоряет наметившиеся ранее тенденции к ослаблению уже существующих глобальных цепочек стоимости, уменьшению числа их звеньев. По оценкам McKinsey Global Institute масштаб потенциального географического перераспределения производств (импортозамещение, перенос выпуска продукции в более близкие страны и в новые локации) может составить в ближайшие 5 лет 15–26% годовой глобальной торговли (2,9–3,6 трлн долл.) [4].

Инвестиционная политика является важнейшим компонентом антикризисных мер. Несколько международных группировок, включая G-20, опубликовали декларации в поддержку международных инвестиций. Более 70 стран предприняли меры по смягчению негативного эффекта на ПИИ или же по защите национальных производителей от поглощения извне. По меньшей мере 11 крупных слияний и поглощений были отменены или остановлены по регуляторным или политическим причинам. В их числе сделки между Deliveroo (Великобритания) и Amazon (США), Embraer (Бразилия) и Boeing (США) [3, р. 3].

Политика в отношении ПИИ вероятнее всего будет балансировать между ужесточением доступа для зарубежных инвесторов к стратегически важным отраслям и активам и необходимостью конкурировать за инвестиции с целью более быстрого выхода из кризиса. Трансформация международного производства несет в себе как вызовы, так и новые возможности, на которые предстоит отреагировать регулирующим институтам. Про вызовы и негативные последствия речь шла выше. Что же касается возможностей, то привлекательными становятся инвестиции в создание устойчивой диверсифицированной и имеющей резервы базы поставщиков, увеличится число инвесторов, ориентированных на региональные рынки. Укорачивающиеся цепочки стоимости повлекут за собой рост инвестиций в дистрибуцию и производство конечной

продукции, а цифровая инфраструктура и платформы с новыми приложениями и сервисами улучшат доступ ко всем звеньям ГЦС.

Таким образом, потоки прямых инвестиций в последнем десятилетии испытывают различные и ассиметричные шоки и будут продолжать их ощущать. В то же время, если экономическая политика государств и мирового сообщества будет эффективно реагировать на вызовы, восстановление трансграничного движения капитала может оказаться более быстрым, а отложенные инвестиции со временем вернуться в свое русло.

Иностранные инвестиции в России и их регулирование. Динамика притока прямых иностранных инвестиций в РФ лишь отчасти отражает колебания в движении глобальных мировых инвестиций. Дело в том, что помимо указанных выше объективных факторов, для нашей страны ключевым остается фактор мировых цен на сырье и энергетические ресурсы; действующие прямые и косвенные барьеры для внешнего финансирования; сохранение угрозы введения новых ограничительных мер как в отношении компаний и физических лиц, так и секторов экономики.

В 2015 г., когда развитые и развивающиеся страны показывали уверенный рост, ввоз и вывоз капитала из России продолжал падать, а в 2016 г. наблюдалась противоположная тенденция. Заметное сокращение объемов трансграничного перемещения капитала в 2017 г. существенно не отразилось на входящих и исходящих из нашей страны ПИИ, но в 2018 году в России, также как и во всем мире и в Европе, импорт прямых инвестиций опустился до минимальных значений. В 2019 г., когда мир показывал скромный рост, импорт ПИИ в Россию увеличился на 60% (табл. 2), а страна по этому показателю вновь вошла в двадцатку крупнейших государств.

Согласно прогнозам ЮНКТАД, в текущем и следующем годах страны с формирующимся рынком (СФР) столкнутся с почти двукратным падением инвестиций. Пандемия и падение цен на энергетические ресурсы вынуждают многие компании пересматривать свои инвестиционные планы в России, хотя большая часть начатых ранее проектов по-прежнему реализуется.

Как уже отмечалось, одной из важных причин снижения капиталовложений является сокращение прибыли международных компаний и возможностей ее использования на рефинансирование инвестиционных проектов. Структурно прямые инвестиции состоят из трех компонентов: участие в капитале, реинвестирование доходов и долговые инструменты. Во входящих инвестициях после 2014 г., по данным Банка России, реинвестирование полученной прибыли стало главным и практически единственным источником роста инвестиций. Более того, в 2015 и 2018 гг. по этой статье был компенсирован имевший место отток капитала [7].

Еще одна угроза для поступающих в страну капиталовложений связана с особенностями российской отраслевой структуры ПИИ (табл. 2). От 70 до

80% поступающих в страну инвестиций приходится на добычу полезных ископаемых и сферу услуг, а в обрабатывающей промышленности в последнее десятилетие большую роль играет автомобильная промышленность и связанные с ней производства. Именно эти отрасли и сектора считаются наиболее пострадавшими в мире от вызванного COVID-19 кризиса (компании ТЭК и добывающих секторов, автопром, авиатранспорт, транспортные, гостиничные, развлекательные и прочие услуги). В новых условиях вероятнее всего будут востребованы инвестиции в здравоохранение и производство лекарственных препаратов и оборудования, а также в динамично развивающуюся деятельность в области информации и связи, в том числе и за счет переноса продажи товаров и услуг из офлайна в онлайн.

Таблица 2

Структура и динамика прямых иностранных инвестиций в РФ по секторам экономики
(млрд долл. США, %)

	2013		2015	2016		2017		2018	2019	
	\$	%	\$	\$	%	\$	%	\$	\$	%
Всего	69,2	100	6,9	32,5	100	28,6	100	8,8	31,8	100
Добыча полезных ископаемых	7,1	10,3	11,50	22,3	68,6	8,3	29	5	8,6	27
Обрабатывающие производства	16,5	23,8	6,9	4,9	15,1	2,9	10,1	4,4	6,7	21
Услуги	44,1	63,7	−12	2,2	6,8	17	60	−1,2	15,3	48
Не распределено по видам	1,5	2,2	0,5	3,1	9,5	0,6	0,9	0,6	1,2	4

Источник: Расчеты на основе статистики Банка России URL:<http://www.cbr.ru>

Как и в большинстве стран, в России либеральные меры в отношении ПИИ сочетаются с использованием определенных ограничений. Мониторинг степени открытости экономики для прямых иностранных инвестиций осуществляет Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Разработанный ею индекс ограничений в регулировании ПИИ (OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index) охватывает 72 страны, в том числе не входящие в ОЭСР и 43 вида экономической деятельности. Оценка производится на основе анализа четырех параметров: 1) ограничения на участие в капитале; 2) дискриминационные механизмы проверок и утверждения; 3) ограничения

на использование иностранной рабочей силы; 4) иные ограничения деятельности (создание филиалов компаний; репатриация прибыли, право собственности на землю и др.) Шкала индекса варьируется от 0 (открытые) до 1 (закрытые) отрасли и виды экономической деятельности.

Из таблицы 3 видно, что в целом в отношении иностранного капитала в России действует больше ограничений, чем в среднем по ОЭСР, а динамика трех лет (2016–2018 гг.) свидетельствует об ужесточении регуляторной политики. При сохранении неизменными трех из упомянутых выше параметров индексакратно ухудшился показатель «дискриминационные механизмы проверок и утверждения». За этот же период наши «соседи» по БРИКС (особенно КНР) заметно продвинулись в противоположном направлении и по степени открытости экономик для иностранных инвесторов теперь опережают РФ.

Таблица 3

Индекс ограничений в регулировании ПИИ

Годы	ОЭСР (среднее)	Россия	КНР	Индия	Бразилия
2016	0,067	0,182	0,335	0,214	0,095
2018	0,065	0,257	0,251	0,209	0,087

Источник: OECD. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=FDIINDEX#>

В отраслевом разрезе наиболее доступными являются нефтепереработка, производство продовольствия, обрабатывающая промышленность в целом, оптовая торговля. Значение индекса для них ниже среднеотраслевого и колеблется в диапазоне 0,07–0,15. В большей степени закрыта добыча полезных ископаемых (0,33), а наиболее жесткие ограничительные меры действуют в отношении страхования (0,80), воздушного транспорта (0,75), банковской и финансовой деятельности (0,48) [8].

Следует отметить, что, несмотря на имеющиеся ограничения, финансовая деятельность и страхование исторически остаются одной из наиболее привлекательных сфер приложения иностранного капитала. Восстановительный рост ПИИ в 2016–2017 гг. на четверть был обеспечен потоками инвестиций в финансовый сектор, схожая картина наблюдалась и в 2019 г. (табл. 2). При вступлении в ВТО (соглашение подписано в 2011 г.) РФ приняла на себя ряд обязательств, предусматривающих упрощение допуска иностранных инвесторов в сферу услуг. В страховом секторе квота для иностранцев была повышена с 25 до 50% (как и в банковском секторе). С середины 2017 г. был отменен лимит на участие иностранного бизнеса в капитале компаний, занимающихся страхованием жизни и обязательным страхованием, а в 2021 г. на работу

в России получают разрешения филиалы международных страховых компаний. В банковской сфере после присоединения к ВТО запрет на открытие филиалов сохраняется. Зарубежные банки могут учреждать только дочерние компании с любой долей участия.

Усиление контроля за осуществлением иностранных инвестиций в стратегически важные области, как уже отмечалось выше, становится общемировой практикой. В РФ с 2008 г. действует закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (№ 57-ФЗ). Он охватывает 47 видов деятельности, перечень которых является закрытым; контроль за исполнением закона возложен на Федеральную антимонопольную службу (ФАС).

Стратегические виды деятельности связаны с оборонной промышленностью, авиацией и космосом, атомной и ядерной сферой, криптографией, субъектами естественных монополий, портами и аэропортами, добычей водно-биологических ресурсов и недропользованием. Для недропользователей предусмотрены особые критерии контроля и специальные пороги согласования сделок. В 2011 году из-под действия закона были выведены иностранные инвесторы, являющиеся налоговыми резидентами РФ. Появление этой либеральной нормы сократило количество подаваемых ходатайств почти на 50%. Принятие в 2017 году Федерального закона № 165-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и ФЗ № 57 позволило прописывать в соглашениях с иностранным инвестором иные обязательства, не включенные в перечень, содержащийся в статье 12 Закона № 57-ФЗ.

По данным ФАС, за 10 лет действия Закона № 57-ФЗ правительственной комиссией было рассмотрено 229 сделок иностранных инвесторов, причем только по 13 сделкам были приняты решения об отказе в предварительном согласовании (немногим более 5%). При этом общее количество ходатайств, поданных в ФАС России, составило 516 штук, из которых почти половина была возвращена заявителям как не требующая предварительного согласия [9]. Это говорит о том, что, с одной стороны, в РФ нет тотальных ограничений для иностранных инвесторов, а с другой, что действующая система регулирования допуска иностранцев громоздка, непрозрачна и отнимает как у инвесторов, так и у регулятора время на рассмотрение и составление заявок, которые не нуждаются в утверждении.

Стимулированию притока ПИИ в малый и средний бизнес должна способствовать отменена (с 2018 г.) ограничений на участие иностранного капитала в малых и средних предприятиях (МСП) при условии, что сами иностранные компании также являются субъектами малого и среднего бизнеса (ФЗ № 313 "О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего

предпринимательства в Российской Федерации"). Включение компаний с иностранным капиталом в реестр МСП дает им право на налоговые льготы, допуск к участию в государственных закупках и к льготным кредитам, освобождает от плановых проверок и пр.

После двухлетнего межведомственного обсуждения и споров в апреле 2020 г. был принят закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (ФЗ № 69). Бизнес обязуется инвестировать от 250 млн руб. до 10 млрд руб. и выше в проекты в обмен на неизменность налоговых и неналоговых условий работы на срок от 6 до 20 лет. Изначально законопроект предполагался как общий документ зонтичного характера (неформальный инвестиционный кодекс) для защиты всех видов инвестиций в РФ, за исключением нефтегазовых проектов, финансовой сферы и ряда профильных бизнесов. В итоговом варианте принятый закон регулирует только отношения в связи с реализацией Соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК). Стабилизационной оговоркой в рамках этих соглашений могут воспользоваться и компании с иностранным капиталом. В пояснительной записке Минфин констатировал, что «в связи с наличием полярных точек зрения и отсутствием консолидированной позиции в отношении общего инвестиционного режима» из закона исключены действующие сейчас соглашения о концессиях, государственно-частном партнерстве, а также территории с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности (особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития) [10]. Воспользоваться новыми условиями компании смогут после принятия, предположительно осенью текущего года, соответствующих подзаконных актов.

Следует отметить, что СЗПК в части неизменности условий ведения экономической деятельности дублирует другой инструмент поощрения инвестиций — специальный инвестиционный контракт (СПИК), который был введен в 2014 г. с целью привлечения капитала для модернизации или создания производства на территории РФ. Помимо стабилизационной оговорки заключение СПИК предусматривает предоставление льгот по налогу на прибыль на федеральном и (или) региональном уровне, статуса «Сделано в России» с отложенной локализацией для иностранных инвесторов, доступ к госзакупкам без конкурса, компенсацию части расходов на транспортировку к внешним рынкам, НИОКР и на уплату процентов по банковским кредитам [11. С. 154].

По данным Минпромторга, в 2020 г. на территории РФ реализуется 45 специнвестконтрактов, с общей суммой инвестиций в 1 трлн рублей. Лидерами являются химическая промышленность и автопром. В прошлом году в механизм привлечения инвестиций были внесены изменения, и в настоящее время действует СПИК 2.0, в котором акцент сделан на технологичность и конкурентоспособность производимой продукции. Расширена сфера заключения специальных контрактов

за счет энергетики и сельского хозяйства, а максимальный срок действия контракта продлен с 10 до 15 лет, отменен порог минимальных инвестиций. По новым правилам СПИК заключается только по результатам конкурсного отбора (открытого или закрытого в зависимости от особенностей проекта), а инициатором проекта может быть не только инвестор, но и государство.

Совместное исследование консалтинговой компании Deloitte и Центра стратегических исследований (ЦСР) показало, что в целом иностранные компании пользуются налоговыми льготами чаще российских (75% против 65%) и предпочитают их использовать в рамках региональных инвестиционных программ в связи с осуществлением капиталовложений и в результате деятельности в особых и свободных экономических зонах [12. С. 51]. Что касается СПИК, то этот механизм поддержки наиболее популярен у иностранных автопроизводителей, хотя, как показывает опрос, некоторые компании переоценили свои возможности в части локализации производства и поставок на экспорт.

Таким образом в стране одновременно действует несколько правовых режимов регулирования инвестиций СЗПК, СПИК, ТОР, ОЭЗ, СЭЗ, ГЧП, соглашения о концессиях, региональные инвестиционные программы. Представляется, что эта система является избыточной, громоздкой и малоэффективной как для государства, так и для самих инвесторов. Характерно, что из перечня проблем, стоящих (по состоянию на 2019 г.) перед производственными компаниями в России, «несовершенство государственного регулирования» названо ими приоритетной [12. С. 28]. Упорядочение разрозненных мер государственной поддержки инвестиций и создание системного механизма для их привлечения по-прежнему стоит на повестке. Такая попытка была предпринята в рамках выработки инвестиционного кодекса, но «утонула» в межведомственных согласованиях.

Кризис, вызванный пандемией, сказался на всех компаниях, в том числе и на предприятиях с иностранными инвестициями. Правительство приняло пакет помощи системообразующим предприятиям, который включает: льготные кредиты, отсрочку по уплате ряда налогов и авансовых платежей по ним, государственные гарантии для реструктуризации уже взятых или новых кредитов и облигационных займов. Получателями помощи могут быть только российские организации, в том числе и с иностранным участием, если его доля не превышает 50% от уставного капитала организации. Многие компании, включенные в список, жалуются на необходимость еженедельно предоставлять информацию о финансово-экономическом состоянии, часть из которой относится к коммерческой тайне.

Представители компании «Ниссан Мотор РУС» надеялись на господдержку в части пополнения оборотных средств и компенсации расходов на персонал, но не смогли ее воспользоваться из-за «избыточных требований и сложных процедур отбора» [13]. По данным опросов, более 80% немецких

компаний (Германия занимает первое место по числу ПИИ в России) считает, что принятые российским правительством меры для поддержки экономики являются недостаточными.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что в последние годы в регулировании прямых иностранных инвестиций наблюдается усиление элементов протекционизма, в том числе и под воздействием экономического кризиса, вызванного COVID-19. В России в последнее десятилетие сложилась ситуация когда, с одной стороны, ограничиваются инвестиции в значительную часть экономической деятельности и усиливаются «дискриминационные механизмы проверок и ограничений», а с другой — делаются шаги по вовлечению иностранных компаний в модернизацию экономики и возвращению вывезенного российского капитала в специальные экономические зоны. В современных условиях нахождение баланса между защитой национальных стратегических интересов и использованием иностранных ресурсов и компетенций представляется неизбежной парадигмой, а создание прозрачной и понятной системы поддержки и ограничений иностранных капиталовложений становится важным элементом благоприятного инвестиционного климата.

Литература

1. *Снартак А.С.* Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России // М.: ВАВТ/Издательство ИКАР, 2018. 456 с.
2. *Хейфец Б.А.* Метаморфоза экономической глобализации // М.: Институт экономики РАН, 2018. 45 с.
3. World Investment Report 2020. // UNCTAD, New York and Geneva.2020. 247 p.
4. Risk, resilience, and rebalancing in global value chains URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chain>
5. World Investment Report 2018. // UNCTAD, New York and Geneva.2018. 193 p.
6. *Холявко А.* Европейские страны договорились, как будут защищать свои активы от иностранных инвесторов. URL:<http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/05/795757-evropeiskie-strani-inostrannih-investorov>
7. Банк России. Статистика внешнего сектора URL: <http://cbr.ru>
8. OECD. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=FDIINDEX#>
9. Интервью заместителя руководителя ФАС России Андрея Цыганова журналу "Конкуренция сегодня", выпуск № 4, апрель 2018. URL: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2174>
10. Путин подписал закон о защите и поощрении капиталовложений. URL: <https://finmarket.ru/news/5205629>
11. *Евстафьева Ю.* Опыт применения и совершенствования специального инвестиционно-го контракта // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 3.
12. Качественное изменение производства: стимулы и барьеры. Обзор производственного сектора в России – 2019. Москва, 2019. URL: <https://www.csr.ru>
13. *Веденева А.* Системообразующие // Газета Коммерсантъ №114 (6835) от 02.07.2020.

I. Kvashnina (e-mail: irina.kvashnina@gmail.com)

Ph.D. in Economics,

Leading Researcher the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences (Moscow)

THE SPECIFIC FEATURES OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT REGULATION IN RUSSIA

The article examines the changes in the regulation of foreign investment that have taken place in recent years in Russia and on the global scale. The trend towards increased FDI protectionism is shown. The author maintains that the crisis caused by the COVID-19 pandemic necessitates the introduction of additional restrictive measures. The degree of openness as measured by the international index, is lower in Russia than in India and in the PRC, and lower than the OECD average. The author comes to the conclusion that the system of state regulation of capital investments that has developed in Russia needs to be adjusted.

Keywords: foreign direct investment, protectionism, global value chains.

DOI: 10.31857/S020736760012167-2